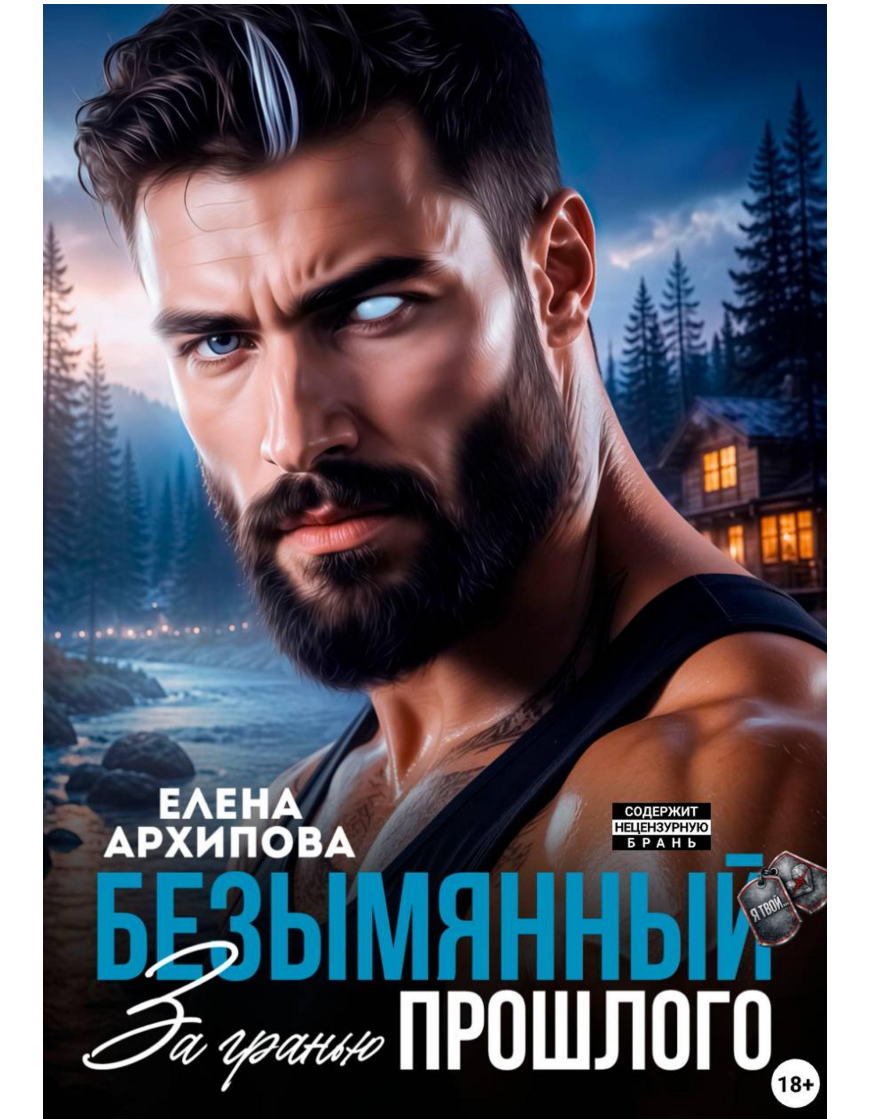

ЕЛЕНА
АРХИПОВА

СОДЕРЖИТ
НЕЦЕНЗУРНУЮ
БРАНЬ

БЕЗЫМЯННЫЙ
За гранью **ПРОШЛОГО**

18+

Елена Архипова Безымянный. За гранью прошлого

<https://litres.ru/74481592>

SelfPub; 2026

Аннотация

Она бежала от предательства. Он — от собственной памяти.

Гроза заперла их в одной избушке на краю леса: разбитую городскую женщину и солдата, который помнит только ад.

Одна ночь. Лихорадка, тепло, безумие — и утреннее «это ошибка», от которого рушится всё.

Но что делать, если израненный зверь уже стал единственным, ради кого хочется жить?

Сможет ли любовь исцелить того, кто считает себя недостойным?

Содержание

Глава	4
ПРОЛОГ. Осколки прошлого	5
Глава 1. Побег	11
Глава 2. Осколок	18
Глава 3. Поиск	28
Глава 4. Анна. Жива	34
Глава 5. Буря	43
Г	51
Конец ознакомительного фрагмента.	52

Елена Архипова
Безымянный. За
гранью прошлого

Глава

ПРОЛОГ. Осколки прошлого

Анна вернулась домой на три часа раньше обычного.

Хотелось хоть один вечер провести с мужем спокойно.

Совещание с новым клиентом тот отменил в последний момент — у него случился форс-мажор, и Анна, вместо того чтобы сидеть в офисе до восьми вечера, села в машину уже в пять и поехала домой.

Дом. Слово, которое когда-то означало тепло, уют, любовь. Сейчас оно было просто адресом — трёхкомнатная квартира в центре Москвы, купленная на её деньги ещё до замужества. Игорь въехал туда после свадьбы, с одним чемоданом вещей и обещанием сделать её счастливой.

Семь лет назад. Семь лет, из которых последние три Анна жила на автопилоте: работа, дом, редкий секс по субботам, ужины в тишине, когда каждый сидел, уткнувшись в телефон.

Она заехала по дороге в ресторан, забрала заказанный ужин, поднялась на лифте, открыла дверь своим ключом, вошла в прихожую и замерла.

В квартире было тихо, но не пусто. Из спальни доносились звуки — приглушенные, но узнаваемые. Женский смех, мужской обволакивающий голос.

Женщину Анна не узнала, а вот мужской голос — да. Это был голос Игоря.

Анна стояла в прихожей, сжимая в руке ключи и пакет из ресторана, и не могла сдвинуться с места. Внутри всё похолодело, сжалось в ледяной комок. Она знала, что сейчас увидит. Знала, но не верила. Не хотела верить.

Медленно, словно во сне, она прошла по коридору к спальне. Дверь была приоткрыта. Анна толкнула её тихо, почти бесшумно и увидела их.

Игорь и его секретарша Лена. На её кровати. На её постельном белье, которое она сама стирала и гладила в прошлые выходные.

Несколько секунд никто не двигался. Анна стояла в дверях, они лежали на кровати, и время застыло, словно кто-то нажал на паузу.

Потом Лена взвизгнула, схватила простыню, прикрываясь. Игорь вскочил, натягивая трусы, и на его лице отразилось всё сразу — испуг, вина, раздражение.

— Аня, — выдохнул он. — Ты... ты же должна была вернуться поздно...

Вот оно. Не "прости", не "я идиот", а "ты должна была вернуться поздно".

Анна почувствовала, как внутри что-то ломается. Тихо, почти беззвучно, как трескается стекло. Только что оно служило защитой от внешнего мира и вдруг мелкий камешек и от него побежали трещины в разные стороны. Много трещин и их уже не остановить.

— Сколько? — спросила она, и голос её прозвучал стран-

но холодно, словно это не она говорила. — Сколько это длится?

Игорь натянул штаны, провёл рукой по волосам — его фирменный жест, когда он нервничал.

— Аня, давай не будем устраивать сцену...

— Сколько?! — она повысила голос, и Лена вздрогнула, прижимая простыню к груди.

— Полгода, — буркнул нехотя. — Ну что ты хотела, Аня? Посмотри на себя! Ты превратилась в вечно уставшую, замотанную тётку. Когда мы в последний раз занимались сексом нормально? Когда ты в последний раз вообще уделяла мне внимание? У тебя то аврал на работе, то отчёты, то важные клиенты, а то и вовсе голова болит!

Анна слушала мужа, и каждое его слово било, как пощёчина.

— Я работаю, — медленно проговорила она, — чтобы оплачивать эту квартиру. Свою машину. Твои костюмы. Наши отпуска. Всё, Игорь. Я работаю, чтобы у нас было всё.

— Да кто тебя просил?! — взорвался он. — Я не нищесброд! И на свою машину я заработал сам! А то, что ты купила мне два деловых костюма, так это было исключительно твоей инициативой! Я и сам мог их себе купить, но ты же всё сама!

— Правда? — усмехнулась она. — Так почему же не покупал? То есть, выходит, что я же ещё и сама во всем виновата?

— Хватит! — рывкнул он. — Я не обязан отчитываться! Ты же сама всё это предлагала!

— Потому что любила тебя, идиот! — крикнула Анна, и слёзы наконец хлынули. — Я любила! А ты...

Она не договорила. Развернулась и вышла из спальни.

— Аня, стой! — Игорь выскочил следом, натягивая на плечи рубашку и путаясь в рукавах. — Аня, ну давай поговорим нормально!

Она остановилась в прихожей, обернулась. Посмотрела на него — на мужчину, которому отдала семь лет жизни.

— Съезжай, — сказала тихо, но твёрдо. — Сегодня. Прямо сейчас.

— Что?

— Собирай вещи и съезжай. Квартира моя. Всё здесь моё. У тебя час.

— Аня, ты спятила! Куда я поеду?!

— Мне плевать. К ней, — она кивнула на спальню, имея в виду его любовницу, — к своей маме, на съёмную квартиру. Мне всё равно. Но здесь ты больше не живёшь.

Она прошла на кухню, поставила пакет из ресторана на стол, достала из шкафа бутылку вина, налила себе полный бокал. Руки дрожали так, что вино расплескалось на стол, но ей было всё равно.

Игорь стоял в дверях кухни, смотрел на неё с недоверием.

— Ты серьёзно?

— Абсолютно.

— Аня, ну это же глупо! Мы можем всё обсудить, решить...

— Нет, — оборвала она. — Не можем. Уходи, Игорь. Пока я не вызвала полицию.

Он постоял ещё немного, потом развернулся и ушёл. Анна слышала, как хлопают двери шкафа-купе, как он шепчется о чем-то с Леной.

Через полчаса входная дверь хлопнула и в квартире стало тихо.

Анна осталась одна.

Она сидела на кухне, в тишине, и медленно допивала вино из бокала. Внутри было пусто. Совсем. Это было странно, но сейчас она ничего не чувствовала. Совсем. Не было ни боли от предательства мужа, ни злости на него, ни даже обиды.

Внутри была пустота холодная и липкая.

Семь лет. Семь лет жизни, вылетевших в трубу.

Она вытащила из пакета поднос с закусками, открыла его, подцепила кубик сыра и налила себе ещё вина. Красное, её любимое, выпила полный бокал и потом достала телефон, нашла контакт адвоката и набрала ему сообщение: "Завтра подаю на развод. Подготовь документы".

Отправила. Дождалась подтверждения, что он получил её сообщение и выключила телефон.

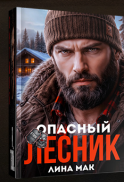
Привалилась спиной к стенке и расхохоталась, обведя взглядом стильно обставленную кухню.

— Сама всё предлагала, — вспомнила она слова мужа. —

Ну, вот и будем придерживаться этой линии.

А через три недели, получив развод, села в автобус и уехала в деревню. Подальше от Москвы, от Игоря, от той жизни, которая рухнула в один день, когда она всего-то вернулась домой на три часа раньше.

Литмоб "Я ТВОЙ..."

Глава 1. Побег

Анна Кольцова смотрела в окно автобуса, наблюдая, как город постепенно растворяется за спиной, уступая место перелескам и полям.

Смотрела и пыталась убедить себя в том, что она поступила правильно, когда решила сбежать из Москвы, оставив там развалившийся брак, работу в рекламном агентстве, которая высасывала из нее все соки, подруг, которые советовали “не опускать руки” и “бороться за отношения до последнего”.

Бороться до последнего... Как будто любовь — это война.

Хотя, именно войной все и закончилось. Три недели назад она вернулась домой раньше обычного и застала Игоря с его секретаршей. Банально до смешного. До слез. До тошноты.

— Ну а что ты хотела? — выдохнул он тогда, даже не пытаясь оправдываться. Хорошо, хоть простыней прикрылся: — Посмотри на себя. Ты превратилась в вечно уставшую, замотанную тетку. Когда мы в последний раз занимались сексом? У тебя же то аврал на работе, то отчеты, а то и того смешнее — голова болит!

Вот тогда что-то внутри нее и сломалось окончательно.

Она же не робот! Разве она не может банально уставать или болеть?

Ей тридцать семь лет, она успешный маркетолог, владе-

лица крупной компании, сбегает украдкой, как школьница, получившая за диктант двойку.

Только вот вместо родительского гнева её преследовали звонки Игоря, который до последнего не хотел мириться с разводом.

— Аня, ну что за детский сад? — его последние слова всё ещё звучали у неё в памяти. — Мы же взрослые люди, мы же можем всё нормально обсудить. Давай встретимся, поговорим спокойно.

Нормально обсудить что? То, что он полгода изменял ей со своей секретаршей?

Или то, что он пытался претендовать на квартиру, которую она покупала на свои деньги ещё до свадьбы?

Деревня Сосновка встретила её тишиной и запахом прелой листвы. Дом тети Марфы стоял на отшибе, небольшой, всего на два окна, но крепкий.

Тётя умерла три года назад, оставив Анне в наследство небольшой кусочек земли с домиком и баней. С тех пор Анна ни разу здесь не была, всё собиралась продать, но руки так и не дошли.

И вот теперь, как оказалось, хорошо, что не дошли.

Было, куда уехать, точнее, сбежать.

В доме было стыло. Дом периодически протапливала соседка, но, видно, давно этого не делала, и поэтому пахло пылью и застоявшимся воздухом.

Первое, что сделала Анна, зайдя в дом, это открыла окна,

вытряхнула половики и затопила печь.

К вечеру дом ожил, затрещал половицами, вздохнул теплом. Она заварила чай из трав, которые нашла в кухонном шкафу. Должно быть, их ещё тетка собирала, и впервые за последние месяцы почувствовала что-то, похожее на покой.

Тишина, после городского шума, давила, но Анна решила, что она привыкнет. Ведь живут же здесь люди, и бизнес ведут, и детей рожают. Что она, хуже, что ли?

В деревне, кстати, и дома появились новые, добротные, и улицы были заасфальтированы.

Вся неделя пролетела в хлопотах. В городе таких забот не было.

Анна приводила в порядок огород, разбирала вещи в шкафах, ходила в местный магазин за продуктами, готовила на печи, как когда-то делала это тётка.

Сама удивилась, что вспомнилось всё быстро.

Соседи смотрели с любопытством, вежливо здоровались, но в душу с разговорами не лезли. Вот она — деревенская вежливость. Только старая Степановна, живущая через дом, и дружившая когда-то с её теткой, пару раз заходила с пирогами и расспросами.

— Надолго приехала? — выпрашивала она, хитро шурясь.

— На месяц, может, больше, — уклончиво отвечала Анна.

— Одной-то не страшно? Это мы, деревенские, привык-

шие, а вы-то городские! Мало ли чего. Лес рядом...

— Не страшно, — врала Анна, а на самом деле по ночам каждый шорох заставлял её вздрагивать.

Город приучил к другим страхам — там боялись грабителей и маньяков, здесь же пугало само пространство, тишина, и безлюдность.

Наконец, в один из дней, разобравшись с нехитрыми делами, Анна решила прогуляться в лес. Грибы собирать было ещё рано, но воздух там должен быть целебный, сосны, тишина...

Она, на всякий случай, взяла небольшой рюкзачок с водой и бутербродами и пошла по тропинке, которую указала Степановна.

— Только далеко не ходи, — наставляла старушка. — Лес у нас дремучий. Заблудишься — и всё, поминай как звали.

— Не заблужусь. Я ж здесь выросла! — заверила она соседку и зашагала по тропинке в сторону леса.

Лес встретил молодую женщину прохладой и полумраком. Высокие сосны смыкались кронами, пропуская лишь редкие лучи солнца, а тропинка петляла между стволов, то поднимаясь на пригорок, то ныряя в низинку.

Анна шла, вдыхая терпкий запах хвои и грибной прели, чувствуя, как напряжение последних месяцев медленно отпускает.

Вот оно, то самое. Тишина. Покой. Никаких звонков, совещаний, притворных улыбок. Только она и лес.

Она не заметила, как тропинка стала менее различной. Потом и вовсе пропала. Анна остановилась, оглянулась. Странно. Вроде только что была здесь, четкая, натоптанная, а сейчас нет.

— Ладно, не проблема. Вернусь по своим следам, — решила и развернулась в обратном направлении, но следов не было.

Опавшая хвоя не держала отпечатков, и все сосны выглядели одинаково — высокие, прямые, безликие.

— Чёрт, — выдохнула Анна и попыталась унять первый укол паники. — Черт! Черт! Черт!

Солнце! По солнцу же можно определить направление!

Она задрала голову к небу, но кроны смыкались так плотно, что понять, где же сейчас светило, было невозможно.

— Вот же я бестолковая! — ругнулась на себя. — Телефон! У меня же есть телефон! А там карта.

Анна полезла в карман, вытащила телефон и вспомнила, что выключила его назло Игорю. Неделию тому назад. Включила обратно и вновь чертыхнулась — батарея оказалась почти разряжена, а сеть не ловила вообще. Ни одного деления.

— Ну прекрасно, — пробормотала, — просто замечательно.

Ладно, главное — не паниковать. Если идти в одном направлении, рано или поздно ты выйдешь к людям. Не так уж далеко она и ушла от деревни. Она же шла медленно, а не бежала. Гуляла!

И Анна пошла назад наугад, стараясь держать направление и прямую линию. Но лес словно дразнил её — то вставал непроходимым буреломом, заставляя сворачивать, то манил просветом, который оказывался болотцем, обходить которое приходилось с риском совсем потерять направление.

Часа через два, когда в лесу стало темнеть, Анна поняла, что заблудилась окончательно. Ноги гудели, в горле пересохло — вода в бутылке закончилась давно, как и бутерброды, которые она съела ещё в начале пути.

— Ау! — крикнула она, что было сил. — Ау! Помогите!

В ответ где-то вдаль ухнул филин, потом ещё один и она вздрогнула. Стремительно темнело и к ночи резко похолодало.

Она упрямо брела вперед, спотыкаясь и держась на ногах на одном характере. Споткнувшись в очередной раз о какую-то корягу, упала, больно ударившись коленом.

Села на землю, прислонилась спиной к дереву, потеряла ушибленное колено рукой и разрыдалась. Впервые за все эти месяцы — по-настоящему, навзрыд, как ребенок.

— Ну почему? — всхлипывала она в пустоту. — Почему у меня все вот так — через одно место? Зачем я вообще пошла в этот чёртов лес? Почему не проверила телефон?

Ответа не было. Стало совсем темно и холодно. Анна поежилась, кутаясь в тонкую курточку, которой явно было недостаточно для ночи в лесу, подложила под попу свой рюкзак, подтянула колени ближе к груди, обхватила их руками

и уткнулась в них лицом.

Сил не осталось совсем. Вот сейчас она посидит, отдохнет и пойдет дальше...

Она не знала, что в этот самый момент ее уже ищут. Что Степановна, зайдя узнать, вернулась ли Анна из леса, обнаружила пустой дом с остывшей печью.

Не знала, что подняли на уши всю деревню, и что по единственному в деревне спутниковому телефону связались с МЧС.

Как не знала и того, что сейчас один человек, живущий в глухом лесу отшельником, получает по радиации сообщение с просьбой помочь в её поиске.

Глава 2. Осколок

Макар Громов проснулся за час до рассвета. Ему не надо было смотреть на часы, чтобы знать это.

Просто открыл глаза, полежал в тишине и понял, что больше не уснёт. Так было всегда.

Он лежал на спине, глядя в потемневший от времени потолок, и медленно считал до ста. Старый армейский трюк, чтобы успокоить сердце, которое колотилось сейчас как сумасшедшее.

Сосны за окном стояли неподвижно, не было ни ветерка, только где-то вдалеке ухнула сова, да половица под кроватью жалобно скрипнула от его движения.

Макар сел, свесил ноги на пол и, окончательно просыпаясь, потёр лицо ладонями. Шрам на левом виске пульсировал глухой, ноющей болью — верная примета к перемене погоды.

Он знал эту боль. Она была, как старый враг, который напоминает о себе каждый раз, когда небо собирается плакать.

— Доброе утро, — хрипло сказал он пустому дому и усмехнулся собственной глупости.

За окном серело. Лес просыпался медленно, неохотно, как старый пёс, который не хочет вставать с подстилки.

Но лес хотя бы просыпался, в отличие от его памяти. Точ-

нее той её части, что была до ранения.

Макар натянул штаны, футболку, которая с какого-то перепуга стала вдруг жать в плечах, накинул старую дедовскую фуфайку и вышел на крыльцо. Воздух стоял холодный и чистый, пахло хвоей и сырой землёй.

Он глубоко вдохнул, задержал дыхание и выдохнул через рот медленно, словно выпуская дым от сигареты.

Это был его ритуал. Стал, когда бросил курить.

Его дом стоял в самой чаще, куда даже местные старались не соваться, и за это деревенские называли его отшельником.

Сам себя он называл Безымянным.

Нет, понятно, что и имя, и фамилия, и даже звание у него имелись. Но наш мозг порой выкидывает с нами странные вещи, блокируя какие-то детали или не давая нам упасть в кошмар — кто знает, как оно на самом деле.

Ещё деревенские говорили, что он дикий, злой и нелюдимый, и лучше обходить его стороной. Макар знал, что о нем так говорят. И это его устраивало — пусть говорят, лишь бы не лезли в душу.

Он взял топор, подошёл к поленнице, выбрал чурбак потолще, ухватил поудобнее топор и замахнулся, опустив с силой его на чурбак.

Удары получались тяжёлыми и чётко выверенными. Стук топора, треск щепы, тихий мат сквозь зубы, когда чурбак не удавалось расколоть с первого раза.

Монотонная работа успокаивала. Когда мышцы горели,

когда пот заливал глаза, тогда голова становилась пустой и ясной, как у младенца. Тогда и можно было возвращаться в дом.

Сложил в поленицу дрова, захватил несколько сухих поленьев и пошагал в дом.

Растопил печь, поставил на один чугунный круг чайник, на второй тяжелую чугунную же сковороду. Достал хлеб, кусок сала, яйца, лук. Нехитрый сытный завтрак.

Сало ему приносил Иваныч. Макар не любил, когда ему навязывались, но отказываться от еды в глуши было глупо. Иваныч знал это и всегда оставлял пакет, вешая тот на калитку, даже не заходя во двор.

— Я не собака, чтобы мне кидали кости, — буркнул Макар деду однажды, но пакет всё равно забрал.

Иваныч тогда одобрительно покивал, ухмыльнулся в прокуренные усы и ушел.

Макар жил так уже пять лет. С тех пор, как вернулся из последней командировки, где оставил не только глаз, но и часть себя.

Дом достался от родного деда по матери, тот был лесником и тоже был нелюдим. После смерти жены жил один, пока не умер в своей постели тихо и незаметно, как и хотел.

Макар приехал сюда с одним рюкзаком, рацией, которую всучили ему МЧС-ники, наградным пистолетом и желанием никого не видеть.

В Сибирской глуши никто не задавал ему лишних вопро-

сов, никто не смотрел на его бельмо с жалостью или брезгливостью, никто не говорил: “Ты герой, Макар”, “Главное, ты жив”.

Героем он себя не чувствовал, как и не считал, что жив — это его главная удача. Скорее уж, наказание...

Завтракал, впрочем, как и жил, Громов в тишине — громкие звуки радио или тем более телевизора раздражали, резали по шраму, отдавали в затянутый бельмом глаз.

Он сидел за столом, жевал хлеб, глядя в стену, и думал о том, что сегодня надо проверить ловушки на зайцев, сходить за водой и починить крышу в сарае — текла в углу.

Его обычный день.

Обычная рутина.

Это спасало.

К вечеру небо стало затягивать пока ещё не грозowymi, но тучами, задул ветер.

Макар вышел на крыльцо, прищурился — бельмо не пропускало свет, но здоровый глаз видел всё: как гнутся сосны, как тучи ползут с запада, тяжелые, тёмные, как вата, пропитанная чернилами.

— Буря будет, — сказал он себе. — Сильная.

Он занёс ещё дров в дом, закрыл ставни, проверил заряд на рации.

В такие дни Макар особенно остро чувствовал своё одиночество, хотя привык к нему, как привыкают к хронической боли. Она есть, она ноет, но ты с ней живешь.

Спать лёг рано, не раздеваясь, на случай если ночью придется выбегать. Закинул руки за голову, закрыл глаз и стал слушать ветер, который завывал в трубе, как раненый зверь. Глаз под бельмом саднил — верный признак того, что сон будет тяжелый и опять про войну.

И он пришёл. И опять реалистичный и живой. И опять на одном и том же моменте...

...Жарко. Невыносимо жарко. Дым и пыль забивают лёгкие, горло дерет, как наждаком.

Он бежит, пригибаясь, вдоль бетонной стены, сжимая автомат до побелевших костяшек. Где-то рядом рвутся мины, земля дрожит под ногами, в ушах стоит непрерывный звон, будто кто-то бьёт в колокол прямо над головой.

— Лёха! — орёт он. — Лёха, за мной!

Лёха Захаров, его друг, его напарник, тот, с кем они вместе прошли две командировки, бежит следом. Молодой, рыжий, конопатый, вечно улыбающийся во все свои тридцать два. Вот же дурной, мать его так!

— Да тут я, командир! — кричит Лёха в ответ, и смеётся, идиот, хотя сейчас совсем не до смеха.

Выступ, укрытие.

— Туда! — подаёт он знак, чтобы Лёха нырнул следом за ним. Тот показывает поднятый вверх большой палец и сокращает расстояние, отделяющее их от этого выступа.

Вот, уже почти рядом. Уже остался всего один шаг...

Он слышал дыхание напарника за своим левым плечом...

И в этот момент Макар чувствует. Внутренним чутьем, которое спасало его уже не один раз. Он видит движение в воздухе — темную точку, летящую прямо на них.

Дальше включаются инстинкты. Думать не успевает, действует быстрее, чем мысль доходит до мозга.

Прижимает Лёху к выступу, закрывая его собой, и в тот же миг мир взрывается огнём и болью.

Осколки. Сотни осколков, режущих воздух, кожу, плоть. Что-то острое, раскалённое испарывает левый висок, впивается в левый глаз, и Макар слышит собственный крик, и на мгновение теряет сознание. Его поглощает тишина — гулкая, плотная, ватная.

Приходит в себя и не сразу понимает, что лежит на земле. Не сразу чувствует, что под ним кто-то есть. Лёха. Он медленно отползает в сторону и поворачивает к нему голову, смотрит в лицо.

Пронзительно голубые глаза Захарова раскрыты, широкие, удивленные, застывшие... Только вот нет в них уже ни смеха, ни искры жизни. Ничего нет. Только пустота.

И струйка крови, стекающая изо рта на грязную, в пыли, щеку.

— Лёха, — шепчет и не узнаёт собственного голоса. — Лёха... Лёшка... ты чего?

Он трясёт его за плечи, но друг не отвечает. Тело мягкое, податливое, кукольное.

И он понимает, что не спас друга. Заслонил, но не спас.

Нет. Он просто успел оказаться сверху. Осколки, которые летели в Лёху, вошли в него, Макара. А тот единственный, что убил Лёху, прилетел с другой стороны. Сбоку.

— Прости, — шепчет он, и слёзы смешиваются с кровью и грязью на его лице. — Лёшка, прости... я не успел...

Он сидит в пыли, прижимая к себе тело друга, и не чувствует боли от ранения. Он вообще ничего не чувствует, кроме пустоты, которая разливается внутри, холодная и липкая. Где-то рядом грохочут взрывы, кричат люди, но для него мир сузился до этих открытых пронзительных глаз.

Дотянулся всей пятерней до лица друга, закрыл глаза, оставив кровавый след на молодом лице и только тогда понял, что его кто-то трясет за плечи, оттаскивает, орёт что-то в лицо, но он не слышит.

Ничего не слышит.

Он смотрит в небо, где поднимается чёрный дым, и вновь проваливается в темноту...

Макар резко сел на кровати. Сердце колотилось где-то в горле, рубаха на спине промокла насквозь. Он дышал часто, прерывисто, хватая ртом воздух. Огляделся и не сразу понял, что он дома, в своей избе, и что за окном воет ветер, а не война.

— Твою мать, — выдохнул, откинувшись вновь на спину, — твою мать...

Шрам на виске пульсировал, глаз под бельмом ныл и чесался так, что его хотелось выдрать к чертям, лишь бы оста-

новить это всё.

Сел, опустив ноги на пол, знал — сегодня он уже не уснёт. Никогда после этого сна он не мог уснуть. Слишком ярко, слишком больно, слишком...

Встал, подошёл к ведру с чистой водой, зачерпнул полный ковш и жадно начал пить. В горле саднило точно так же, как когда-то там...

С каждым глотком чувствовал, как из тела уходит дрожь и сон отступает куда-то, чтобы прийти к нему снова. Он видит этот сон все пять лет...

Напился и подошёл к окну. Сквозь щель в ставнях виднелось небо — чёрное, беззвездное, низкое, готовое рухнуть вниз.

— Завтра будет дождь, — сказал он себе хрипло, лишь бы нарушить эту тишину.

Может, если бы не тот осколок, он жил бы сейчас там, в городе, с женой и детьми, а не здесь, в глуши, где даже волки обходят его стороной.

Но вот в чем загвоздка! О том, что жена от него ушла он узнал в тот же день, когда погиб Лёха. Разве что несколькими часами ранее...

Ему некуда было возвращаться. Он потерял всё в тот день. И глаз, и друга, и себя.

Макар вернулся на кровать, лёг, но не спал. Лежал, прислушиваясь к ветру, который за стенами набирал силу, и ждал утра. А когда рассвет чуть разбавил тьму, рация на сто-

ле ожила и хрипло выдохнула голосом Ивана Петрова капитана МЧС:

— Громов, ты на связи? У нас тут беда. Городская в лесу заблудилась. Вера Кольцова, тридцать семь лет, сама из Москвы. Вчера днем ушла в лес и не вернулась. Деревенские связались с нами, сообщили. Говорят, что не могла далеко уйти, может, поможешь? Ты лес-то знаешь, как свои пять пальцев. Надо найти её до темноты, а то сам понимаешь, вряд ли она переживет вторую ночь в лесу.

Макар молчал. Молчал долго, глядя в потолок, и в голове его проносились обрывки сна — лицо Лёхи, открытые глаза, кровь на губах. Смерть. То, что он привык видеть и к чему, казалось, привык.

Он не хотел никого искать. Вечно эти городские прутся в лес. Зачем потащилась? Красивые фоточки сделать?

Капитан ждал, рация шипела, а за окном все громче выл ветер, набирая силу.

— Громов? — рация снова ожила. — Ты там?

Макар поднялся, взял рацию и коротко, сухо ответил:

— Да тут я. Выхожу через десять минут. Если не найду, дам знать.

Он отключился, вскипятил чайник, достал армейский термос, залил в него чай и кинул несколько кусков сахара. Подумал и докинул ещё пару кубиков — ночь в лесу, значит эта дурочка без сил.

Убрал термос в рюкзак, накинул куртку, взял фонарь, ру-

жьё, рацию, закинул на плечи рюкзак и вышел в серый, злой, встревоженный лес.

Глава 3. Поиск

Макар Громов вышел из дома, когда утренний туман ещё висел между соснами мутной, холодной пеленой. Рация на поясе молчала, он знал, что Иван и сам не сидит без дела, но и ждёт результатов его поисков.

Он остановился на крыльце, вдохнул сырой воздух, прислушался. Лес молчал, даже птицы притихли, словно ждали чего-то. Макар знал, чего. Урагана.

Он не хотел никого искать. Мысль о том, что какая-то городская дура, решившая полюбоваться природой, вытащила его из дома в такую погоду, злила.

Он и так почти не спал — сон про Лёху вымотал его, забрав все силы. А теперь вот надо тащиться черт знает куда и искать эту фифу.

В том, что это фифа, да ещё и молодая, он почему-то был уверен.

— Анна Кольцова, — повторил он вслух имя, что сказал ему капитан Петров и оно показалось ему каким-то хрупким, неуместным здесь, в этом суровом лесу.

Макар тяжело вздохнул, захлопнул дверь, подперев её палкой и углубился в лес. Чужие здесь не ходят, местные поймут, что дома нет никого, а дикое животное не сунется.

Шаг его был ровным, быстрым, размеренным. Словно он

шел не по лесной чаще, а по тротуару где-нибудь в центре Москвы.

Он знал этот лес, как свои пять пальцев. Каждый бугор, болотце, ложбинку — исходил здесь всё вдоль и поперек за пять лет.

Он шёл, вглядываясь в землю и подмечая каждую новую деталь. Это только городским кажется, что в лесу нет следов чьего-либо пребывания — Макар же видел и знал, кто и как давно тут прошёл.

Пока, правда, ему попадались только следы обитателей леса.

Наконец, спустя примерно полчаса ходьбы, он увидел и след человека. Свежий, неглубокий, от кроссовок с мягкой подошвой. Она прошла здесь. Часа два-три назад, не больше.

— Тропа к Заячьему болоту, — пробормотал себе под нос. — Не надо тебе туда, дурёха. Ой, не надо...

Он остановился и присел на корточки, разглядывая примятую траву. Она споткнулась здесь, вот об этот корень, что торчал тут, скрытый травой.

Чуть не упала, вот на ствол этой сосны оперлась — кора была сорвана. Устала. Постояла у дерева — следы здесь остались чуть более глубокие — и пошла дальше. Следы неровные, шаг стал короче.

Она брела наугад, не понимая, куда идет.

— Ну хоть не сидит сиднем, — и сам не заметил, как одобрил упорство городской фифы.

Макар поднялся и пошёл дальше, ускоряя шаг. Где-то внутри, под слоем раздражения, шевельнулось беспокойство. Ночь в лесу — это не шутка. Особенно для городской женщины.

Она могла замерзнуть, могла наткнуться на дикого зверя, могла просто упасть и разбить голову. Но она её пережила и сейчас шла дальше. Только вот “дальше” — это в буквальном смысле. Анна шла не в сторону деревни, а в чащу.

— Глупая, — сказал тихо, но в голосе уже не было злости, только усталая констатация. — Совсем глупая.

Сам, не замечая того, он ускорил шаг, переходя на быстрый, почти бесшумный ход. Лес вокруг него становился всё гуще, кроны смыкались над головой, пропуская лишь редкие лучи утреннего света. Ветки хлестали по лицу, но Макар не замечал этого. Сейчас он несясь совсем по другому лесу.

...Горы. Лес в горах, плотный, темный, с острыми скалами, торчащими из земли, как зубы. Они шли на подъём, цепляясь за корни деревьев, и каждый шаг давался с трудом.

Макар шёл первым, Лёха — за ним, прикрывая тыл. Воздух был холодным и разреженным, пахло сырой землёй и прелой листвой.

— Командир, — тихо окликнул его Лёха. — Слева, на десять часов.

Макар замер и прислушался. Да, слева, по ходу их движения и чуть выше, как раз на десять часов, был какой-то шорох. Осторожный, почти незаметный. Не зверь. Слишком

аккуратно.

Кивнул и сделал рукой жест, означающий: “Слышу. За-
легли”.

Упали оба и одновременно, не издав больше ни звука. За-
мерли, вжавшись в землю. Лёха юркнул ящеркой, оказался
рядом, и Макар услышал его дыхание — ровное, спокойное.

Лёха умел держать себя в руках. Это качество Макар в
нём ценил больше всего.

Повернулся к молодому напарнику и увидел его улыбку
— белозубую, мальчишескую, с ямочками на щеках. Вот же
дурной, улыбается в такой момент.

— Чё ты лыбишься? — прошипел.

— Да так, — ответил Лёха почти беззвучно. — Мать
вспомнил. Вернусь, свожу её в горы. Воздух здесь целебный.

Макар хотел ответить что-то резкое, но вместо этого
усмехнулся. Не мог он злиться на Захарова. Молодой же ещё
совсем, зеленый, а уже столько смертей видел, в стольких пе-
редрягах побывал.

У них тут очередная заварушка, а он мать вспоминает и
в голосе такая любовь и беззаботность, будто и они тут на
курорте.

— Балбес, — прошептал беззвучно, одними губами.

Макар знал, что несмотря на всю кажущуюся беззабот-
ность, Лёха всё видит и замечает. И Лёха прикроет его спину
любой ценой.

Макар верил в него, как верил в себя. Может быть, даже

больше...

Очередная ветка стегнула по лицу и он тряхнул головой, отгоняя видение, очнулся, тут же сбавил скорость, прислушался и внезапно услышал звук. Тонкий, жалостливый, слишком человеческий.

Всхлип.

Он резко замер, прислушиваясь. Звук повторился и Макар понял — она где-то рядом. Метрах в двадцати, не больше. Он двинулся туда, ступая бесшумно, мягко, как хищник.

Раздвинул ветки куста на своем пути и увидел её.

Она сидела на земле, прислонившись спиной к сосне, и была похожа на маленький серый комок. Голова опущена, плечи вздрагивают, руки обхватывают колени, поджатые к груди. Она не слышала, как он подошёл.

Макар остановился, глядя на неё. Сердце стукнуло раз, другой — и замерло. Он видел многое, но почему-то именно эта женщина, потерянная и замерзшая, задела за живое.

Хотя, какое живое? Разве у него ещё есть хоть что-то живое? Просто он давно не общался с людьми, отвык, вот и среагировал так странно.

— Эй, — позвал негромко, боясь напугать. — Ты жива?

Она вздрогнула, подняла голову, и он увидел её глаза. Красные, опухшие от слёз, в них плескались страх, усталость, и... счастье? Шок? Неверие? Всё это вместе и ещё что-то такое, что заставило его замереть.

Волосы на ее лбу слиплись, лицо бледное, почти серое.

Она смотрела на него так, будто не верила, что это по-настоящему.

“А она не так уж и молода, — вдруг подумал, — да и не похожа она на фифу”.

— Кто вы? — прошептала она, и голос её дрожал, как тонкая струна. — Вы из деревни?

Глава 4. Анна. Жива

Мужчина приблизился. Высокий, широкоплечий, в потертой штормовке и армейских берцах. Лицо обветренное, жесткое, с густой черной бородой.

Но больше всего Анну поразили глаза — один ясный, серо-голубой, пронзительный, второй затянут белёсой плёнкой, мёртвый.

— Вставай, Анна. Нельзя сидеть на земле, — услышала она низкий, хриплый голос.

Она вздрогнула, услышав своё имя.

— Откуда вы...

Начала, но он перебил:

— Капитан МЧС сказал. Вся деревня на уши поднята. Меня Макар зовут. Давай руку.

Он присел перед ней на корточки и протянул ладонь. Она посмотрела на неё — широкую, мозолистую, с выступающими венами. Потом на него. И медленно, неуверенно, положила свою холодную и дрожащую в его ладонь.

Макар сжал её пальцы и рывком поднял Анну на ноги, и одновременно с ней поднялся сам. Она пошатнулась, и он подхватил её под локоть, удерживая. От неё пахло холодом и сыростью, и дрожь была её так сильно, что зубы стучали, выбивая барабанную дробь.

— Замерзла, — сказал он утвердительно.

— Немного, — выдавила она, пытаясь улыбнуться, но улыбка вышла кривой, почти болезненной.

Макар отпустил её локоть, снял с плеча рюкзак и достал термос. Открутил крышку, налил горячий чай в крышку-стаканчик и протянул ей, скомандовав:

— Пей. Не обожгись только, горячий.

Она взяла стаканчик обеими руками, прижала к груди, чувствуя живительное тепло, и жадно сделала первый глоток.

Горячий чай обжег горло, но Анна упорно сделала ещё один глоток и ещё один. Горячая согревающая жидкость провалилась в желудок, и по её лицу разлилось облегчение и благодарность, а в глазах появились слёзы.

Макар приготовился к истерике, уже и напрягся весь — не любил он женских слёз, но женщина моргнула раз, другой и отвела взгляд.

— Спасибо, — сказала тихо, и в голосе было столько благодарности, что ему стало не по себе.

Незаметно для неё выдохнул, поняв, что рыдать она не будет.

Странная она. Другая бы на её месте точно разрыдалась, а эта держится. И нет, точно не фифа.

— Пошли, — сказал резко, забирая у неё пустой стаканчик, накрутил его на термос и убрал в рюкзак. — Ураган будет. Надо успеть. Идти можешь?

— Д-да... вроде...

Анна попыталась сделать шаг, но пошатнулась, ноги подкосились и она начала заваливаться вбок.

Мужчина сильно, почти грубо, подхватил ее за локоть, коротким рывком вернув ту в вертикальное положение.

— Держись.

Он говорил коротко, отрывисто, не тратя слов впустую. Достал рацию из кармана и буркнул в неё:

— Нашёл. Увожу к себе. Грозовой фронт идет, в деревню не успеем.

Рация прохрипела в ответ что-то невразумительное и Макар убрал ту в карман куртки, перевел взгляд на Анну, бросил коротко:

— Идём.

Он развернулся и пошёл в сторону дома. В противоположную, кстати, той, в которую шла сама Анна.

Шёл быстро и уверенно, словно у него тут были указатели. Шел, не оглядываясь, но и не убегал вперёд.

Они шли молча. Анна — спотыкаясь, он — чётко, просчитывая каждый шаг и выбирая путь так, чтобы она могла идти. Где-то приходилось ждать, когда она перешагнет через поваленное дерево, где-то — поддерживать её, когда она поскользнулась на мокрой траве.

— Вы могли бы идти помедленнее... пожалуйста... — выдохнула она, когда он протянул руку, помогая перелезть через очередное поваленное дерево.

Макар усмехнулся, ответил в своей манере, коротко и

жёстко:

— Мог бы. Но тогда ты замерзнешь раньше, чем мы дойдем.

Она вздохнула, но больше ничего не сказала, и продолжила упрямо идти, стараясь держать тот же темп.

Макар видел, что она устала, но он знал, что был прав — сбавлять темпа было нельзя. Потому что сейчас её накроет откатом от горячего чая и от того, что её нашли, она выдохнет, расслабится и тогда совсем не сможет идти. Всё-таки ночь в лесу без должной подготовки — это сложно.

“Упрямая!” — подумал он удовлетворенно. Ему это понравилось, хотя он и отказывался в этом признаться даже самому себе.

Его дом возник внезапно. Казалось, только что была чаща, и вдруг деревья расступились, и Анна увидела речку и небольшой сруб, окруженный высокими соснами.

Крепкий, добротный, с дровником сбоку, низкой баней чуть в стороне и какими-то непонятными антеннами на крыше.

— Заходи внутрь, — бросил мужчина, убирая палку, подпиравшую дверь.

Она переступила порог, и он закрыл дверь, отсекая холод и ветер, который уже начинал злобно завывать в трубе.

Внутри пахло деревом, табаком и чем-то ещё — машинным маслом, что ли? Обстановка была спартанской: стол, две скамьи, полка с книгами, топчан, большая печь.

На столе лежали ещё одна рация, ноутбук, карты. На стене висело оружие. Охотничье ружьё, нож в ножнах и ещё какие-то штуки, которые Анна опознать не смогла.

— Садись, — кивнул мужчина на скамью у печи. — Чай сделаю. И тебе надо переодеться в сухое. Снимай всё.

Она потянулась к замку на куртке, но пальцы дрожали, не слушались, ей никак не удавалось расстегнуть молнию.

Макар, помедлив, подошёл к ней, помог расстегнуть замок и снять мокрую куртку. Она вздрогнула от его прикосновения, и он резко отстранился.

Отошел за печь, где, как оказалось стоял шкаф, который Анна сразу не увидела. Она услышала, как скрипнула дверца, затем Макар вернулся, протянул ей футболку, штаны, шерстяные носки огромного размера и буркнул в своей манере:

— Чистое всё. Раздевайся, я отвернусь.

Макар двигался быстро и экономно — подбросил дров в печь, поставил чайник, достал из шкафа банку с травяным сбором — и всё это, оставаясь к ней спиной.

Она быстро, как смогла, стащила с себя мокрую одежду, оделась в сухое, натянула колючие, но зато теплые носки на голые ноги — знала, такие носки и надо вот так надевать, и блаженно привалилась спиной к стене. От печи шло тепло и её отпускало напряжение.

Нашли. Спасли. Жива.

— Спасибо, что нашли меня... — выговорила, едва во-

рочая языком. — Работа, — коротко бросил он и поставил перед ней кружку с дымящимся чаем и банку с мёдом. — Пей, мёд ешь с ложки, не клади в чай. Потом ужинать будем. Сейчас тебе согреться надо.

Анна послушно обхватила кружку ладонями, вдыхая терпкий травяной аромат. Пила мелкими глотками, чувствуя, как тепло разливается внутри.

— Куда я могу развесить одежду?

— Вон на печи веревка, — кивнул и потянулся к рации. — База, я Лесник. Женщину привёл, всё в порядке. Завтра доставлю в деревню.

— Лесник, база, — прохрипела рация. — Не получится, грозовой фронт пришёл раньше. Синоптики обещают ураган, грозу, шквалистый ветер. Сиди там, жди отбоя.

— Понял тебя, база.

Макар повесил рацию на крючок на стене и посмотрел на Анну:

— Застряли. На сутки, может, дольше.

— Застряли? — переспросила она. — Здесь? С вами?

— Проблемы? — в его голосе явственно прозвучала насмешка.

— Нет, просто... неудобно вам...

— Переживу, — ответил коротко, и шагнув в угол, открыл подпол, но прежде, чем спуститься вниз, пояснил: — Буду ужин готовить. Тебе, если нужен туалет, то там, в сенях, есть дверь.

Он спустился в подпол, а Анна, сделав над собой усилие, поднялась с табуретки, развесила, как могла, на веревке свою мокрую одежду и пошла в туалет.

Хотелось не столько в туалет, сколько элементарно умыться и хоть как-то разобрать колтун на голове.

Вернулась из сеней ровно в тот момент, когда Макар вылезал из подпола. В одной руке мужчина держал ведро с овощами, в другой кусок мяса.

Поднимался он по крутой лестнице без помощи рук, увидев её и столкнувшись с ней взглядом, чуть покачнулся.

Совпало так или действительно оступился — неизвестно, но Анна подскочила, схватила его за плечо, не давая упасть. Лесник замер, мужское плечо под рукой Анны напряглось, словно окаменело.

— Извини...те... — она отдернула руку, — мне показалось, что вы сейчас упадете.

Он кивнул, ничего не ответив и преодолев две последние ступени, ступил на пол.

— Ужин не скоро будет, — пропустил её извинения без ответа, — ты устала и замерзла. Если не хочешь заболеть, ложись в кровать. Когда будет готово, я разбужу.

— Я могу помочь с ужином! — вызвалась.

— Нет, ложись! — кивнул на топчан.

— Вы воевали? — спросила она тихо, резко сменив тему.

Макар молчал. Он не хотел говорить об этом. Ни с кем не говорил об этом и уж тем более с женщинами. Знал, те или

рыдать начнут, или жалеть, увидев его шрамы. И то и другое ему было без надобности. Особенно жалость. Тем более жалость.

Он подошёл к столу, налил ещё чаю, поставил перед ней кружку, скомандовал:

— Пей. И ложись.

— Но это ваша кровать... И ваше бельё...

— Брезгуешь? — бросил насмешливо и его единственный глаз впился в лицо Анны.

— Нет, — ответила быстро, — но я...

— Спи, — оборвал жестко, почти грубо, — не усложняй, Анна.

Она вздрогнула от его тона, но промолчала. Взяла чай, прижалась к кружке ладонями и мысленно ругая себя, сделала глоток. Это было не её дело, и она не имела права лезть к нему в душу.

Она допила чай, и поняла, что если сейчас же не ляжет, то уснет прям тут, на табуретке.

Анна согрелась. В доме было тепло, уютно трещали в печке поленья, а за окном набирал силу ветер. Думать о том, что с ней было бы, не найди её Макар, женщине не хотелось.

Анна легла, натянув тяжёлое одеяло до подбородка и закрыла глаза. Слушала, как барабанит по крыше дождь, как потрескивает печь, как возится с ужином Макар.

Станный он. Хмурый, неразговорчивый. Грубый какой-то. Но глаза... этот единственный живой глаз...

Столько всего в нем читалось, от чего пробирало до костей, но странным образом это не пугало её, а будоражило что-то внутри. Что-то, от чего Анне было горячо и неспокойно.

“Идиотка! Спи!” — скомандовала она себе и провалилась в тяжелый, беспокойный сон.

Глава 5. Буря

Анна проснулась от грохота.

Резко села на топчане, пытаясь унять бешено колотящееся сердце. В первую секунду, не понимая, где она, огляделась и тут же всё вспомнила.

Лес, Макар, чай. Это его дом, на ней его одежда и она спала в его постели.

За окном бушевал настоящий ад — ветер выл, как живой, дождь хлестал по окнам, деревья гнулись и трещали, что-то тяжёлое с грохотом рухнуло где-то рядом.

— Макар? — позвала она в темноту.

Ответа не последовало.

Она слезла с топчана, нащупала у печи спички и зажгла лампу. Дом был пуст.

— Чёрт!

Анна сунула ноги в кросовки, накинула свою куртку и выглянула наружу.

Картина была апокалиптическая. Деревья, как пьяные, качались во все стороны. Дождь лил стеной, молния полосовала небо, и в её вспышках Анна увидела реку — вздувшуюся, мутную, вышедшую из берегов.

А у берега, по колено в воде, возился Макар.

Макар, словно почувствовав её взгляд, обернулся. Лицо

его было мокрым, злым.

— Дерево упало. Вода поднимается! Помогать будешь или паяльаться?! — перекричал ветер.

Ветер принес его слова в её сторону и Анна, не раздумывая ни секунды, рванула к нему на помощь.

Вода была ледяной, и уже за первую минуту ноги начало сводить судорогой. Но останавливаться было нельзя, потому что огромная сосна лежала поперёк русла, образовав плотину, и вода, не находя выхода, разливалась, затопляя берег, ползла к дому.

— Топор! — рывкнул Макар. — Вон там, у сарая!

Анна побежала, поскользнулась, упала, поднялась. Нашла топор — тяжеленный, неподъемный. Схватила его и потащила к реке.

Макар орудовал пилой, пытаясь распилить ствол. Но пила застревала, дерево было толстое, мокрое.

— Руби сучья! — приказал он. — Надо освободить русло!

Анна принялась рубить. Руки скользили, топор то и дело уходил мимо, но она долбила, снова и снова, чувствуя, как немеют пальцы, как судорога схватывает икры, и как намокшие мужские штаны, что были на ней, сковывают движения.

Макар работал как одержимый. Пилил, ломал ветви, отпихивал обрубки, расчищая проход для воды, и снова пилил.

Анна потеряла счёт времени. Работала на автомате, уже не чувствуя ни холода, ни боли. Очередной сук срублен и вода течет дальше, вниз по течению.

Наконец с хрустом что-то поддалось, и вода рванула в образовавшуюся брешь, бурля и пенясь.

— Мало! — крикнул Макар. — Шире надо!

И они снова принялись долбить и пилить, пока проход не расширился достаточно. Вода, что подбиралась к дому, ушла вниз по реке, уровень спал.

Макар выпрямился, тяжело дыша, и просипел:

— Всё. Хватит. Остальное потом, когда стихнет.

Они вернулись в дом — вымокшие, продрогшие, измученные. Анна тряслась так, что зубы выбивали дробь.

— Раздевайся, — бросил Макар, стаскивая штормовку.

Он подбросил дров в печку, растопил посильнее и стянул рубаху. Под ней оказалось жилистое, покрытое шрамами тело. Казалось, на его теле не было живого места.

“Как он выжил-то?” — мелькнула первая мысль.

Не желая обидеть мужчину своим любопытством, Анна отвела взгляд, и принялась стаскивать с себя куртку.

Макар вновь шагнул к шкафу за печкой, вытащил сухие вещи, вернулся к ней, протянул, вновь скомандовал:

— Переодевайся, а то воспаление лёгких схватишь.

Он отвернулся, и подойдя к окну, натянул на себя сухую футболку.

Анна быстро стянула мокрую одежду и вновь натянула его вещи — огромные, пахнущие табаком и хвоей.

“Странно, — мелькнули мысли, — сам он вроде не такой огромный, когда без одежды”.

— Готово, — пробормотала она.

Макар обернулся и его здоровый глаз, быстро и оценивающе, скользнул по ней.

— Садись там, у печи. Согревайся

Он сам сел у стола и закурил. Руки его мелко дрожали.

— Вы... замёрзли, — сказала Анна.

— Переживу.

— Давайте я... чаю сделаю...

— Сиди. Я сам.

Но когда он попытался встать, его качнуло, и он схватился за край стола.

— Макар?

— Ничего. Просто... холодно.

Он всё-таки добрался до печи, поставил чайник. Но руки тряслись всё сильнее.

— Вам нужно в тепло, — испуганно сказала Анна. — Вы переохладились...

— Сказал же — переживу.

Но голос его был уже не таким твёрдым. Он вернулся к столу и сел, закрыв глаза.

— Макар, пожалуйста, вы спасли меня... позвольте хоть чем-то отплатить...

Он с усилием открыл глаза, посмотрел на неё странно, опалив взглядом и ничего не сказал.

Анна подошла вплотную, дотронулась до плеча. Оно было ледяным.

— Боже, вы как лёд...

— Ничего... сейчас чаю попью... отойду...

Но его начало бить крупной дрожью и уже настала очередь Анны командовать:

— Макар, вам нужно лечь под одеяло! Быстро!

Она почти силой подняла его, обхватила за поясницу и подвела к топчану. Макар, неожиданно даже для самого себя, послушался и позволил вести себя.

Анна быстро откинула одеяло, и он рухнул на топчан, свернувшись калачиком.

Она накрыла его всеми одеялами, что нашла, подоткнула со всех сторон, но его продолжало трясти.

Она вспомнила что-то из курса первой помощи — при переохлаждении нужно тепло. Живое тепло.

Не раздумывая, Анна забралась под одеяло к нему, прижалась всем телом, обняла.

— Что ты... делаешь... — пробормотал сквозь сжатые зубы.

— Молчите. Греюсь сама и вас грею.

Она обняла его, прижалась всем телом к его груди, гладила его по спине, по плечам, растирая, передавая тепло. Постепенно дрожь начала утихать, дыхание его выравнивалось.

— Спасибо, — выдохнул уже почти нормально.

— Не за что. Вы для меня не меньше сделали.

Они лежали так, переплетясь, слушая, как за окном стихает буря. Дождь уже не хлестал, а шёл тихо, монотонно, раз-

меренно. Ветер тоже уgomонился.

Анна, закрыв глаза, лежала в постели и чувствовала его тело — горячее теперь, крепкое.

Слышала биение его сердца — ровное, мощное.

Ощущала его запах — дым, хвоя, что-то ещё, мужское, будоражащее, возбуждающее.

Это было странно. Неправильно. Она едва знала этого человека.

Но прямо сейчас ей было хорошо. Спокойно. Как давно уже не было.

— Макар, — прошептала она. — Вы спите?

— Нет, — отозвался хрипло.

— Расскажите... о себе. Как вы здесь оказались? Почему один?

Он помолчал, потом выдохнул:

— Длинная история.

— У нас есть время.

— Не уверен, что хотите её слышать.

— Хочу.

Он вновь помолчал, а потом он заговорил — тихо, медленно, словно вытаскивая слова из глубины.

— Служил. В армии. Спецназ. Горячие точки, операции. Обычное дело.

— И что случилось?

— Засада. Мы шли на задание, думали, что всё чисто. А там... Нас ждали, накрыли огнём. Я командиром был. Моя

ответственность. Мои люди.

Голос его стал жёстче, глуше.

— Трое погибли сразу. Ещё двое потом, в госпитале. Я выжил. С этим, — он коснулся своего мёртвого глаза. — Осколок засел. Повезло, как мне сказали. Его вытащили, но глаз затянуло бельмом. — Мне жаль, что так произошло...

— Не надо жалеть, — резко оборвал он. — Я сам виноват. Проглядел. Не проверил. Подставил своих парней.

— Это же не вы их убили...

— Я. Они доверились мне, а я не увидел. Ответственность на мне.

Он замолчал, и Анна почувствовала, как напряглось его тело.

— После госпиталя комиссован. Инвалид второй группы. Парням медали посмертно, а мне пенсия. Хорошо, что живой остался.

Анна гладила его по плечу, не зная, что сказать.

— Уехал сюда, — продолжил он. — Подальше от людей. От города. От... всего. Здесь тихо. Никого не подставляю. Никого не убью.

— Но вы же помогаете МЧС, людей спасаете...

Его единственный глаз смотрел в упор — пронзительно, больно.

— Я убийца, Анна. Им бы жить, детей растить, любить, но они мертвы, а я жив. Всё ещё хочешь рядом лежать?

И Анна ответила, глядя в его глаза:

— Хочу.

Что-то мелькнуло в его взгляде. Удивление? Благодарность? Недоверие? Шок? Или что-то ещё?

Он поднял руку, осторожно коснулся её щеки.

— Странная ты.

Его пальцы скользнули по её губам. Анна замерла.

— Макар...

— Скажи "нет", и я уберу руку.

Она не сказала.

Он притянул её ближе и поцеловал — жёстко, требовательно, почти грубо. Анна ахнула, но не отстранилась. Ответила на поцелуй так же жадно, так же отчаянно.

Это было безумие. Глупость. Она знала его один день. Один чёртов день.

Но прямо сейчас ей было наплевать.

Его руки, горячие и требовательные, скользнули под её футболку. Она выгнулась ему навстречу, вцепилась пальцами в его волосы.

— Ты точно этого хочешь? — хрипло спросил он, отрываясь от её губ.

— Да, — выдохнула она. — Чёрт возьми, да.

Г

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.